

Ирина Пиляр
Планета Суоті

Ирина Пиляр
Планета Suomi

«Издательские решения»

Пиляр И. Ю.

Планета Suomi / И. Ю. Пиляр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507300-6

Книга «Планета Suomi» — о людях, оказавшихся в другой стране, где по тем или иным причинам им предстоит жить. Другая страна, другой мир — это, по сути, как другая планета, и надо найти свой ключик к этим закрытым дверям, чтобы распахнулось новое и неожиданное, доброе и радостное. Финляндия по-фински — Suomi. Вот эта во многом загадочная страна и по сей день не перестает удивлять автора книги.

ISBN 978-5-00-507300-6

© Пиляр И. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Семья и море	7
Она о нем	8
Море	9
Кирилл о брате и себе	11
Викинг	12
Он о ней	14
Музыка на Викинге и внутри его	16
Мама и Кирилл	18
Морской шторм	20
Легко ли высказать свое мнение?	23
Миша и сын или подслушанный разговор	25
Ночной диалог у Аландских островов	27
Планета Suomi	30
Предисловие	31
Глава первая.	33
Промежуточная глава	35
Глава вторая.	36
Глава третья.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Планета Suomi

Ирина Юрьевна Пиляр

Редактор Людмила Маковейчук

Технический редактор Ирмели Таласйоки

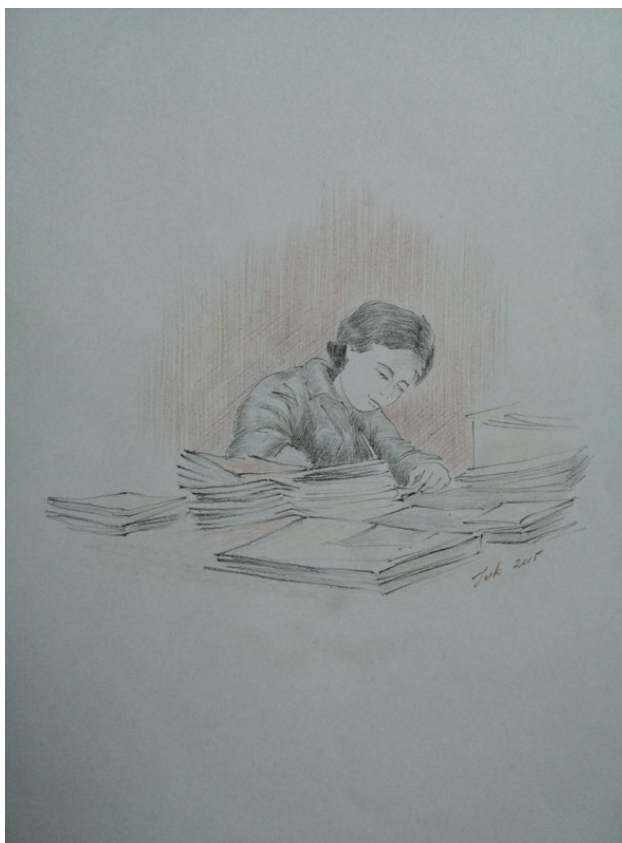
Художник-иллюстратор Юлия Кольга

© Ирина Юрьевна Пиляр, 2019

ISBN 978-5-0050-7300-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается моей духовной сестре, —
Без поддержки и участия которой
Не появилась бы на свет эта книга.*

Об авторе

В Финляндию привел профессиональный интерес. Творческие командировки раз от разу затягивались, становились все длиннее. Постепенно сложилась жизнь на две страны или две непохожие друг на друга жизни: там и здесь – слова-перевертыши, здесь и там, в зависимости от того, где находишься в данный момент...

Ирина Пиляр закончила в Москве Литературный институт. Работала в журнале «Огонек» и в Издательстве Московской Патриархии. Публиковалась в региональных и центральных периодических изданиях.

В новом издании книги «Планета Суоми» автор выступает под своей настоящей фамилией, а не под псевдонимом «Мария Чулкова».

Книга переведена на финский язык и опубликована в издательстве VoD в 2018-м году.

Семья и море

Их было четверо. Семья как семья. Он и она или она и он – это вечное, незыблемое, и к тому же родители, отец и мать еще двоих: сына Гоши и сына Кирюши.

«Мы все на „ши“, – смеялся иногда отец, – Миши, Кирюши, Гоши, Валюши, помните правило? Жи и Ши – пиши букву И». А?

Но это, конечно, относилось к младшему отпрыску, который учился еще только в третьем классе, зубрил русскую грамматику и повторял эти надоедливые правила.

Старший Гоша уже заканчивал школу и готовился в институт, благополучно освоив всю учебную программу и даже пробуя силы в собственных сочинениях по русской словесности.

Здесь следует сделать маленькое отступление. Семья жила не в России, а в одной уютной северной стране, где отец находился на ответственной работе.

Кирюша однажды очень просто сформулировал своим одноклассникам обязанности отца: «Он защищает Балтийское море от всего плохого или проще – ЗБМ – защитник Балтийского моря». Вот так, немного-немало!

Она о нем

Мне всегда хочется говорить о Мише, есть он рядом или нет, я думаю о нем почти всегда и скучаю без него. Конечно, он постоянно на работе, с утра до вечера, а если и дома, то продолжает мыслями витать где-то там, в кулуарах своего Экоцентра.

Нет, я не ревную его к его любимой работе. Когда-то именно такая его увлеченность делом и преданность идее Эко и идее Чистоты меня и очаровали в нем. Все-таки Миша необыкновенный человек!

Мы приехали сюда из Калининграда. Так вот, еще там он предпочел велосипед всем другим видам транспорта. «Хоть немного да сократятся вредные выбросы в воздух, – объяснил он сыну Гоше, которому в то время было столько же, сколько сейчас Кириллу. – Посмотри, какой дым идет из машин! Уф, разве можно этим дышать!»

О дорогах и говорить не стоит!

Нельзя даже сравнивать теперешние финские, специально оборудованные трассы с теми калининградскими! Здесь в Финляндии, как и во многих других европейских странах, на обычных пешеходных тротуарах прочерчивается полоса, которая делит этот тротуар на две дороги: на одной нарисованы малыш с мамой за руку; на другой изображен велосипед. Вот и следуйте указаниям и выбранному маршруту!

Миша ездил на велосипеде, хотя в гараже стояла машина. Тогда его было не разубедить, а автомобили с экологическими двигателями стоили немислимо дорого.

Там, в Калининграде, ребята с Мишиной работы смеялись и подшучивали над ним, даже прятали его велосипед. Но Миша спокойно реагировал на все подкалывания коллег, и некоторые из них даже сами «заразились» от него любовью к велосипеду и чистоте. Когда на работу стали приезжать на велосипедах и другие сотрудники, Мишу оставили в покое, и уже никто над ним не смеялся.

А я, в первую же свою туристическую поездку во Францию – родину, кроме всего прочего, и велоспорта, – привезла ему самую удобную, надежную и красивую французскую велоформу. Он до сих пор ее использует, потому что велосипед продолжает оставаться его любимым видом транспорта, хотя здесь, в Финляндии, мы уже смогли позволить себе приобрести настоящую экологическую машину. Ну, как же – по статусу (все-таки – ответственный работник) мой муж должен иногда появляться на серьезном автомобиле!

К работе я его не ревную, но не скучать без него не могу. Тем более, что самой мне приходится сидеть дома и заниматься домашним хозяйством.

Я очень люблю свою мастерскую в ателье, где я некоторое время работала дизайнером.

И работа продвигалась успешно. Но у нас растет сын Кирилл, который в свои десять лет стал требовать повышенного внимания, особенно здесь, на новой почве. Не все у него ладится, не все получается, и язык финский трудный, и возраст, наверное, у него тоже трудный. Поэтому на семейном совете решили оставить меня дома.

Я всегда слушаюсь Мишу, хотя внутренне могу с чем-то и не согласиться...

Море

...Тихо садилось солнце за покатой Морской спиной. Волны смиряли свой бег, готовясь к ночному отдыху. Вода отражала небо, на котором отчетливо проступала сочно-малиновая полоса заката с дымными прожилками облаков. С каждой минутой небо медленно и неуклонно затягивалось мглой. Все тоньше становился переход от более насыщенного к менее насыщенному цвету, красочная полоска заката все сужалась, спускаясь ниже и ниже к горизонту.

Море вздохнуло. Оно всегда вздыхало в эти минуты, когда День прощался с Миром и уходил за ту черту. Ночь навевала на Море грустные мысли, даже если была лунной и светлой. Тишина поднимала из морских глубин далекие воспоминания, которые не подавали голоса в дневное время. Море старалось отогнать их, но они властно проникали в его душу, заполняя каждый ее бездонный уголок.

Детство вспоминалось как легкая и беззаботная пора. Все было наполнено светом, радостью узнавания и бесконечным Временем впереди...

Сладко будоражили воспоминания более позднего периода. Море было очень влюбчивым и постоянно влюблялось: то в чаек, весело снующих над его просторами; то в скалы и утесы с их острыми краями и шероховатыми поверхностями. Море омывало их до тех пор, пока камни не становились гладкими и податливыми, готовыми на все...

Снова проходили годы и годы. Немало утекало Воды с его просторов, немало было прожито и пережито. Бури и штормы сильно перемололи его изнутри, делая все более терпеливым и выносливым.

Море умело любить, училось терпеть, и ему очень хотелось дружить с кем-нибудь, чтобы рассказывать свои бесконечные истории о рассвете жизни, своем детстве; о ярком сиянии любви в пору юности; о наступлении зрелости и какой-то печали.

Дружба родилась почти сразу, когда в просторах Моря появился белоснежный большой Корабль по имени Викинг.

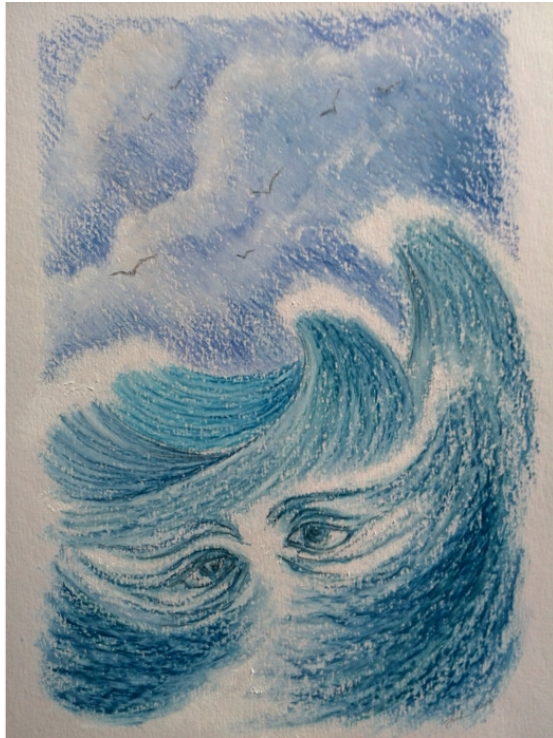
От него веяло теплом и уверенностью, во всем облике его проступала невероятная прочность и надежность. Так хотелось опереться на его крепкое плечо, поизливать ему свою морскую душу, а потом, наоборот, расспросить его обо всем на свете: где плавал? Что видел?

Их дружба началась с игры. Море обдало Корабль веером брызг, а потом окатило его покатые белые бока пенистым водопадом. Промытые корабельные бока вдруг засияли в солнечных лучах, Викинг заулыбался, издал мелодичный гудок, а из верхней трубы его заструился теплый сиреневый дымок.

– Море, давай дружить. А? – первый предложил Викинг.

– Ты правильно меня понял, Дружище! – отвечало Море. —

Этот водопад и был устроен в твою честь и во имя нашей будущей мужской Дружбы!..

Кирилл о брате и себе

Мой старший брат Гоша в отъезде и даже в очень длительном и далеком: поехал учиться в другую страну. Хорошо, когда тебе семнадцать лет, и ты можешь сам выбирать, где тебе жить, где учиться и отчасти даже – как распоряжаться своей жизнью.

Мне сложнее, потому что меньше лет, но свой путь я бы все равно выбирал не совсем так, как мой брат. Мы с ним всегда много спорим о будущих профессиях. Он любит кино, музыку и литературу. Это, кажется, называется гуманитарий. Мне очень нравится его компьютерная графика, которой он увлекается чуть ли не со своих двенадцати лет.

Я тогда вообще пешком под стол ходил, как шутят мои родители. Но в то время, действительно, я еще мало что понимал и не мог разделить с Игорем его увлечение компьютерным дизайном и графикой.

Маленькие Гошины рассказы читаю с удовольствием, но, если честно, меня увлекает совершенно другая литература. Я люблю точные математические дисциплины, научные открытия и достижения, и четкое понимание того, какую пользу я смогу принести, например, науке. А у Гоши все туманное, романтическое, музыкальное, а потому непонятное и неопределенное. Вот отсюда наши вечные споры с ним, а иногда и ссоры.

Я пытаюсь доказать ему, что жить надо рационально и взвешенно, как говорит папа, и я с ним совершенно согласен, а Гоша может забыть обо всем на свете, бегать по берегу и фотографировать своих любимых чаек, закат на море и всякую такую ерунду...

Но сейчас, когда брата нет, мне его сильно не хватает. «Не с кем тебе спорить!» – смеется мама, и в чем-то она права. Дискуссии у нас с ним, конечно, бурные и продолжительные, но ведь не только это. Брату, например, первому я рассказываю о своих технических задумках. Мне нравится изобретать, вот я и делюсь с Гошей некоторыми разработками, рисую ему схемы и объясняю принцип действия какой-нибудь совершенно новой конструкции. Скажем, новый вариант посудомоечной машины для мамы, а до этого занимался стиральным агрегатом. Чего-то меня все бытовая техника притягивает!

А сейчас и поделиться особенно не с кем. Папа все время на своей работе, мама занимается вышиванием, а к технике у нее душа не лежит, поэтому она в моих изобретениях ничего не понимает. Гоша хотя бы умел слушать и задавать вопросы.

Теперь выкручиваюсь один, но часто думаю о старшем брате. Как он там, без меня, мой бедный романтик!

Викинг

... Не важно, сколько осталось, страшно – не успеть. Не успеть отдать.

А отдать хочется так много, всего себя: ведь мне столько дано, я такой богатый!

Плыву и думаю, какой же я большой и красивый, меня отовсюду видно, куда ни кинь взор. И с маленького острова, и с крутого побережья – везде мне машут руками, приветствуют меня и улыбаются, когда я проплываю мимо.

Как приятно быть узнаваемым, любимым, необходимым!

Я же как соединительный мост между двумя берегами, и не просто какими-то речными бережками, когда с одного берега виден другой. Я соединяю берега Морские, далекие-далекие друг от друга. Один из них принадлежит одной стране, второй относится совсем к иному царству-государству.

Две небольшие северные столицы, два различных мира – я привязан к обоим. Мила мне столица и та, что помоложе, откуда я выплываю каждый вечер, и та, что постарше, подревнее, куда я приплываю каждое утро.

А плыву я в любую погоду. Северное лето короткое: чуть погрееет солнце, порадуют теплые денечки, небо ненадолго сольется с водой голубизной и сиянием, – и... зарядят дожди. Морская вода набухнет, станет тяжелой, свинцового оттенка.

В такую погоду я еще больше люблю плыть, потому что особенно нужен своему лучшему Другу. Осень и Море не очень совместимы. В это время его реже навещают Лодки под парусами, никому не хочется залезать в холодную воду, никто не теребит Море и не плещется в его волнах. Моему Другу грустно и одиноко.

И я, конечно, спешу на помощь и выручку. Мы почти сразу начинаем разговаривать с ним, и не можем наговориться, и не можем остановиться.

– Холодно стало, – говорит мне Море, будто я и сам не чувствую порывы осеннего ветра, промозглость и сырость воздуха.

Диалог надо с чего-то начинать, пусть даже с очень незначительного и отдаленного.

Я тоже не могу сразу выразить свою нежность этой бесконечной Воде, обостренное чувство радости от встречи со своим любимым Другом. Поэтому бросаю почти на Ветер какие-то общие, никому не нужные фразы:

– Чайки не прилетают, не кружатся над тобою и надо мною, не садятся на Волну, не ныряют за Рыбкой. А ведь без них грустно, не правда ли?

– Правда-правда, – вторит мой Друг и озорно обдает меня веером соленых брызг.

Я крупный и красивый, белые величественные бока мои только еще больше очищаются после этих дружеских омовений. Первая ступень пройдена, начальная преграда смущения преодолена, и наш разговор вступает в более важную и теплую фазу.

– Всегда помни, как мне не хватает Тебя, – говорит Море, тихо шелестя свинцовой водой. – Каждый миг я в ожидании встречи, и мысли бегут тебе вдогонку.

А меня снова будто обдает волной радости. Я все это знаю и чувствую то же самое, но как важно услышать голос Друга, такой близкий и родной, такой долгожданный!

И слова дружеской любви всегда согревают и поддерживают меня.

Вот я уже и готов, начинается наша любимая и самая драгоценная часть общения.

Главный предмет или постоянная тема нашего общения – это То, вокруг чего и зародилась наша необыкновенная Дружба. Мы оба не можем до конца понять и постичь Тех, кого называют Людьми. Это мои постоянные обитатели, гости моих палуб и кают... Самые загадочные, самые притягательные, самые необыкновенные существа на Свете!

Он о ней

Я знаю, как за моей спиной подшучивают мои друзья. Они говорят, что Экология – моя первая и законная супруга, а уж Валюша только на втором месте.

Неужели я выгляжу таким одержимым по отношению к тому делу, которым занимаюсь и которому, действительно, посвятил и посвящаю ежедневно свою жизнь?

Мне кажется, я просто честен и нормально выполняю свои обязанности, без всякой помпы. Просто быть экологом по профессии – это для меня слишком мало. Разве можно на работе быть одним, ставить определенные задачи, призывать к ним других людей, а выходя за порог кабинета, становится другим и жить не по тем правилам, по которым только что убеждал жить других. Я так не могу.

Поэтому наверное я эколог по убеждениям и, выходя с работы, сажусь на велосипед, чтобы спокойно по чистому воздуху ехать в сторону нашего дома, а это довольно долго и далеко: из центра Хельсинки в пригородный район. Правда, редко бывает, чтобы я не свернул к морскому берегу, по которому мы нередко прогуливаемся всей семьей.

Здесь, на берегу, я сделал для себя одно открытие, которое стало возможным именно в этой удивительной стране Финляндии, в которой чем дольше живу, тем больше ей удивляюсь.

Оказывается коровы, гуси и некоторая другая живность способны защищать море от вредных процессов. Как? Я и сам это не сразу понял, пока не пораспрашивал местных людей и не разобрался кое в чем. Потом, конечно, смог объяснить все и Кирюше, и Валюше.

Есть такие безобидные на первый взгляд химические элементы

как азот и фосфор, которые образуются на суше и надолго остаются на прибрежной заболоченной территории. Стоит только этим элементам попасть в море, как они тут же начинают провоцировать там усиленный рост планктонных водорослей. А что этим водорослям требуется для жизни? Конечно, питательные вещества, которых в балтийских недрах в избытке (сколько всего сливают, выбрасывают в море!). Для разложения же водорослей требуется кислород, которого уже недостаточно. А бурный рост водорослей ведет к еще большему потреблению кислорода. Бедное море начинает медленно задыхаться и погибать. Свободная водная стихия превращается в густой суп с плотными многокилометровыми сгустками цветущих водорослей.

Что же делать? Некоторые растения способны удержать азот и фосфор на берегу и не дать им возможность проникнуть в море. Кроме того, эти растения служат укрытием для огромного количества птиц, устраивающих свои гнезда в камышовых зарослях, и рыб, которые также обитают на мелководье в камышах. Да и сам камыш очень быстро разрастается вдоль берега, отвоевывая у прибрежных лесов все больше и больше места.

Так вот, чтобы контролировать соотношение полезной и вредной растительности, можно, конечно, использовать всякую технику, а можно прибегнуть и к естественным «косилкам», например, к коровам! Существуют даже специальные их породы, например, йоркширские или хайлендеры, которые выходя на пастбища, оказывают огромную помощь морю, потому что предотвращают зарастание заливных лугов бесполезным кустарником. Эти коровушки пасутся на заболоченных участках берега, они очень неприхотливы и могут жить на таком диком выпасе практически круглый год.

Вот такая вилла с романтическим названием Эльфвик – удивительный природный резервант, где можно увидеть умных йоркширских коровушек, понаблюдать за жизнью уток и лебедей, просто погулять по лесу, – и находится на том побережье, куда я всегда заезжаю по дороге домой. А создали ее мои удивительные финские коллеги!

...Моя жена всегда была, есть и будет у меня только на главном первом месте. Она такая красавица! Когда я увидел ее первый раз в гостях у своих друзей, то даже не поверил, что может существовать такая красота. Это сочетание орехово-карих ласковых глаз, нежной кожи, пышных светло-каштановых волос и ее неповторимого тембра голоса могут свести с ума кого угодно! И я здесь не исключение, хотя считался всегда «стойким оловянным солдатиком».

Тогда я долго не решался к ней подойти, хотя понравилась она мне с первого взгляда.

Моя стеснительность – это мой главный недостаток. Очень уж она мне жизнь портит. Хочу сделать первый шаг и не могу, будто гири к ногам привязаны.

Так и растянулись мои ухаживания не на один год, хотя было мне уже за двадцать.

Все перепетии наших с Валею отношений и не пересказать, много всего было. Чего стоит одно только мое предложение руки и сердца, сделанное в жуткую ураганную погоду и в шторм! Это происходило на пирсе, вокруг было разбушевавшееся Балтийское море...

Нет, я, конечно, не выбирал нарочно такую погоду для своих сердечных объяснений, просто так получилось. Дальше тянуть уже было просто невозможно. Валею могли увести у меня из-под носа: желающие возникали словно из воздуха...

Поэтому действовать мне пришлось решительно и наверняка. А ураган мне даже чем-то помог. Море штормило, и меня штормило, и это состояние роднило нас с ним и внушало мне смелость. Я чувствовал себя немножко Морем, большим и сильным, и в известной степени напористым. Может быть поэтому мне тогда все и удалось.

Музыка на Викинге и внутри его

На вечернюю палубу вышли двое – Он и Она – полюбоваться дивным закатом.

– Как красиво! – выдохнула она.

Он молча взял ее за руку, посмотрел ей в глаза и приблизил к ней свое лицо.

Море, словно зеркальное отражение неба, алело закатными лучами и пыталось своим видом ободрить всех, кому не спалось или кто в этот вечерний час задержался на палубе.

А не спалось в этот час многим. Обитатели большого белого корабля Викинг-лайн и не думали ложиться. Шумные веселые компании сновали по всем корабельным палубам.

Кто-то попивал вечерний кофе за уютным столиком с видом на море. Кому-то по душе были более крепкие напитки, от которых становилось весело внутри, а лицо медленно наливалось горячим цветом, схожим с закатным небом.

В небольшом танцевальном зале на седьмой палубе играли музыканты. Двое элегантных мужчин в черных костюмах с упоением перебирали гитарные струны. Третий, чуть покачиваясь, брал аккорды на клавишном электронном инструменте. Четвертый вслушивался в ритм ударной установки, которой сам же и управлял. Но в центре внимания была худенькая высокая певица с рассыпанными по плечам песочными волосами.

То грустно и медленно, то ритмично и задорно исполняла она народные финские песни, которые рождали удивительное единодушие у всех собравшихся.

Одна за другой на танцевальную площадку выходили пары: кто помоложе, кто постарше, в основном – люди с сединами, в очках, худые и полные, маленькие и крупные, очень разные.

Но со всеми происходило на глазах одно и то же чудо: на ярком паркете танцпола они преобразались. Умело и привычно двигаясь под музыку, они сливались с ритмом, музыкальным настроением, всей атмосферой вечернего Корабля, лица их становились радостными и чуть взволнованными.

Пожилые дамы превращались в девушек или уж точно чувствовали себя такими, а седовласые господа выделывали такие коленца, которых сами от себя не ожидали.

Музыканты прибавляли жару, танцующий зал нагревался, принимая огонь на себя; ритмы становились все более игривыми и замысловатыми, темп увеличивался...

Все без исключения подпевали музыкантам.

Море слушало все это, иногда тихо вздрагивало. Только неспешные вальсовые мелодии ложились ему на душу, когда в такт с музыкой могли перекатываться его серебристо-шуршащие волны.

– Милое мое, Море, – раздался вдруг голос его Друга, – если бы Ты знало, как невыразимо болит сердце, когда ты слушаешь Музыку и не можешь запеть сам. Мои протяжные гудки или короткое фырканье так далеки от гармонии, от прекрасных мелодий, которые доносятся до меня из различных отсеков моих палуб...

– Как невыразимо болит сердце, – повторил Викинг.

– Но ты ведь можешь слышать, ты способен слушать! – отреагировало Море. – Разве этого мало? Слушать и воспринимать...

– Мне всегда хочется подпевать Людям, – не успокаивался Корабль, – смотреть и слушать тоже хорошо, но это всегда со стороны, откуда-то сбоку... – Он помолчал немного и продолжил:

Люди ведут себя удивительно и подчас совершенно непредсказуемо. Вчера рано утром, встречая рассвет, на открытой палубе восьмого этажа стояли три женщины и пели, глядя на тебя, Море, и любуясь тобой.

Все три голоса звучали по-разному: один был высокий и прозрачный, как колокольчик (у нашего капитана есть такой в капитанской рубке); два других более низких – один грудной, нежный как морская вода в штиль; другой – порезче, позвонче, но не менее берущий за душу.

Такие противоположные голоса, но сливались они в небывалую гармонию, от которой ныло сердце и наворачивались слезы. Звучал настоящий гимн Красоте, этому чудному расцвету и зарождению нового Дня, твоему Морскому простору и тому необыкновенному ощущению, что у Людей зовется Жизнью...

Другие Люди останавливались и слушали, и никто не хотел уходить.

А пение лилось в твое открытое пространство, Море, разливалось по палубе, – и эти три певуны были такие красивые в наброшенных на их плечи светлых шалях, лица их – такие одухотворенные, что казалось, поют не они, а все вокруг звучит и торжествует, а им остается лишь подпевать, вплетая свои голоса в некую надводную мировую гармонию...

– Мировая гармония, хоровая гармония, – вдруг немного иронично отозвалось Море, – Ты настоящий поэт, но может быть не стоит все и всегда так идеализировать?...

– Да, мой дорогой Друг, ты прав, как обычно. Плесни на меня холодной водой, остуди мой пыл...

– Я не могу подпевать людям, когда поют они и когда поет моя душа. Я не могу помогать людям, когда они плачут. А это случается с ними не так уж редко в тиши моих кают.

– Я не могу... Я многого не могу, мой Друг, и от того чувствую себя страшно одиноким.

– Я как белая снежная глыба пересекаю Твои воды и ни к кому не могу примкнуть: всегда в плавании, всегда в пути, всегда один, один и тот же... И это несмотря на то, что я большой и красивый, и меня видно издали! Большой одинокий скиталец...

– Ах, ты чудо мое Корабельное! – укоризненно, но с улыбкой в голосе, произнесло Море. А как же я? Разве можно чувствовать себя одиноким рядом с Другом?

– Как хорошо, что Ты есть, Море! – восторженно воскликнул вдруг Викинг, словно очнувшись от своей грустной песни. – Без тебя я скорей всего умер бы от тоски! – горячо произнес он.

Море заботливо поплескало волной о Корабль, дружески приласкав его. Еще произнесло какие-то мягкие утешительные слова и потом надолго замолчало, погружившись в свои глубинные подводные думы.

Мама и Кирилл

Мой сын вышел вчера из школы огорченным. Не ответил на какой-то вопрос по природоведению, получил удовлетворительную оценку. А он стремится по всем предметам, которые так или иначе касаются профессии его отца и связаны с жизнью природы и ее обитателей, иметь самый высокий балл. Надо было срочно что-то предпринимать, чтобы мой изобретатель совсем не скис.

– Мы можем прогуляться по берегу моря и обсудить предстоящую поездку на Викинге, – предложила я Кириллу. – Ведь у тебя скоро каникулы, целая неделя!

Наша семья все планирует заранее, поэтому нам легко, когда событие уже наступает: не надо ничего срочно решать или от чего-то отказываться, наоборот – все уже подготовлено.

В предстоящем двухдневном круизе Хельсинки-Стокгольм-Хельсинки – увлекательнейшем мероприятии, в котором хоть раз в жизни, но побывал абсолютно каждый финн, – все мы – Миша, Кирюша и я – постараемся понять, что мы получаем от близкого общения с морем. Можно сформулировать это и так: «человек и стихия, кто у кого в долгу?»

На самом деле это не моя формулировка, а тема сочинения по литературе в третьем классе у моего сына. Вот мы и пытаемся с отцом развивать эту тему при каждом удобном случае в наших разговорах с Кириллом.

Кирюша шел рядом со мной, смотрел на волны и все еще молчал. Он не умеет быстро отходить от неприятности, а долго прокручивает ее в голове. Его самолюбивый нрав, желание всегда отстаивать свою точку зрения – это папины черты, весь в папу!

Помню, как Миша еще в Калининграде на одном собрании вещал со сцены: «Наша планета задыхается от мусора! Его объемы постоянно увеличиваются, и если это игнорировать, нас всех ждет катастрофа.» Так он убеждал сотрудников из природоохранных организаций, студентов биологических и экологических специальностей выйти на уборку мусора на наши калининградские пляжи и в леса.

Мусор – это еще один пункт моего благоверного. После всех его «очистительных» компаний с пляжей и из других мест увозили по несколько грузовиков мусора! Даже сами люди не ожидали такого количества...

Здесь, в Финляндии, уборка мусора приведена в стройную систему. Миша разобрался довольно быстро, а мы с Кириллом долго учились правильно сортировать отходы, перед выбросом, например, мыть бутылки, и не путать контейнеры, каждый из которых предназначен строго для определенного вида мусора.

Уже здесь, в Хельсинки, Миша как-то выступал в школе, где учится Кирилл, и рассказывал о различных технологиях, позволяющих перерабатывать отходы во вторичное сырье.

Например, картон, бумагу, некоторые виды пластика, стекло можно использовать повторно, а другие виды мусора нужно сжигать и получать тепловую энергию.

И вот, именно для этого, чтобы процесс переработки мусора во вторичное сырье или тепловую энергию был эффективным, весь этот мусор необходимо сортировать по категориям. А некоторые отходы повторно использовать нельзя (как, например, батарейки) из-за наличия в них вредных веществ, поэтому их отправляют на захоронение в специально отведенные места.

Вот такие премудрости осваивали мы все вместе, но, конечно, без Миши нам с Кирюшкой до всего бы самим не додуматься!

Кирилл шел рядом со мной, но мыслями витал где-то далеко-далеко.

– Посмотри, – вдруг вырвалось у меня. – Море смеется!

Луч солнца упал на воду и заполнил скобку, которую выдавливали плывущие по заливу лебеди. Они плыли не ровно, а какими-то зигзагами, время от времени запуская в воду длинные, тоже зигзагообразные белоснежные шеи.

Скобка на воде напомнила мне рот, растянутый в улыбке. А солнце вернуло радость.

Не печалься, Кирюша, исправишь ты свою оценку по природоведению, это беда не беда. А сейчас посмотри лучше, как все обрадовалось солнечному свету, этой капле тепла.

– Всем вспомнилось лето! – поддержал тему Кирилл. – Ведь уже кончается сентябрь... – и без перехода продолжил: – А почему ты думаешь, что море смеется? Не видишь, какие волны, да и ветер все усиливается! – Вот так мой сын умеет одновременно и поддержать тему разговора, и в то же время возразить и не согласиться с каким-то утверждением.

– По-моему, ему – морю – не до радости, – добавил он.

– А ты знаешь, что может радовать Море? – не сдавалась я.

– Это надо спросить у папы, он же у нас морской специалист, – как всегда лаконично и справедливо парировал мой отпрыск.

– Ну, одну из причин морской радости я уже узнала у твоего отца. Думаешь, он меня не посвящал в эту тематику? Вот, ни за что не угадаешь!

– И не буду гадать. Есть вещи, которые надо знать точно, только тогда и можно чему-то помочь или кого-то обрадовать, как, например, море... Ну, говори, мама, не тяни, пожалуйста!

– Шторм! Он очень радуется морю!

Кирилл округлил глаза. Не поверил. Но продолжал вопросительно смотреть, ждал продолжения.

– Представь себе сильный шторм. Что происходит? Волны накатывают одна на другую, все шумит и пенится. В это время слои воды перемешиваются, и глубинная вода обогащается кислородом. Море начинает дышать полной грудью и радоваться!

– Вот это да! Про пользу от шторма я никогда не слышал, – восхитился Кир и продолжил – а я от папы узнал другие факты. Например, выражаясь твоим языком, море может радоваться таким вещам как новому поколению тюленей, селедки, любой рыбы... Слышала?

– Конечно, – включилась я в тему и радуясь оживлению сына, – а также притоку соленой воды из океана, дождю, снегу...

– Солнцу и луне, – закончил смеясь Кирюша.

– Итак, – перешла я к более конкретным задачам, – что нам следует взять с собой в поездку на Викинг-Лайне?

– Мама, не в поездку, а в плавание, – поправил меня Кирилл, и наш разговор вошел в привычное русло и обсуждение насущных проблем.

От школьных неприятностей не осталось и следа.

Морской шторм

...Да-а, старик, плохи твои дела, коли на друзей начинаешь кидаться. Викинг такой молодой, такой романтик и идеалист. В чем он провинился перед тобой?

Море не хотело допускать, но чувствовало, как что-то закипает у него в груди. Пока волнение было чисто поверхностным, только рябь иногда проходила по воде, и Балтик был еще в состоянии сдерживать себя.

– Хороший добрый Викинг, – болезненно прокручивалось одно и то же, – все-то у него в розовом свете, всех-то он приукрашивает, наделяет несуществующими качествами. Ох, молодость-молодость! Совсем недавно ведь появился он на Воде, и каких-то пятьдесят лет плавает туда-сюда, туда-сюда – от столицы до столицы, от берега до берега. Что можно понять за такой отрезок, совсем ничего!

Снова раздался глубокий Морской вздох. Ему не хотелось говорить вслух, не хотелось обращаться к Кораблю, но мысленно он все же разговаривал именно с ним, со своим лучшим закадычным Другом.

– Представь себе, Викинг, как в тело Человека попадает смертоносная пуля, пущенная рукой Врага... Она пробивает насквозь кожу, проникает во внутренности и начинает там свою разрушительную работу... Или, подожди, пулю тебе представить трудно.

– Приведу другой пример. Похожее разрушительное действие, только гораздо более медленное, совершает с Человеком болезнь по имени одного из самых мирных моих обитателей – Рак...

– Тогда в организме Человека размножаются болезнетворные клетки и поглощают всего Человека... Грустная картина, не правда ли?

Море не заметило само, как заговорило вслух. Сначала тихо, почти шепотом, потом все громче и взволнованней.

Корабль прислушался, потом изумленно замер.

Рак проползает и в мой организм, заражая всё и вся. Нефтяная пленка затягивает Воду, солнечные лучи уже не могут проникать внутрь, принося Свет и Тепло. Начинается гибель: сначала зеленые, красные, желтые цветы и растения; потом рыбки малые, затем другая живность и покрупнее... – все гибнет, разрушается...

...Ты грустишь, мой Викинг, от собственного несовершенства. Ты не поешь, как Люди... Ты не можешь поплакать вместе с ними и тем более утратить им слезы или успокоить их... Но ты, дорогой мой, сам по себе не способен и на Зло! Знаешь, что это такое? Нет?

– Зло – это всегда разрушение, это всегда боль.

– Люди, наши с тобой любимые и загадочные Существа, имеют способность приносить это самое з л о не только в свою Человеческую жизнь, то есть друг другу, но и в Жизнь окружающего их Мира, ни в чем перед ними неповинного и от которого в немалой степени сами же они и зависят...

Волны ускорили свой бег, с шумом накатываясь одна на другую. Что-то изнутри рвалось и трепало Море так, что оно все бурлило и пенилось.

Кораблю слышался Морской стон.

Опять занули все болячки, Морской организм испытывал невероятное напряжение. Тучей надвинулись мрачные мысли.

Я умираю. Почему сейчас, почему здесь... Ведь т о Время еще не пришло...

Снизу, из глубины поднималась и окутывала собой ноющая непрекращающаяся Боль. Она снова начинала трепать и будоражить Море.

Целый шквал волн поднимался высоко-высоко и падал на Корабль, пенисто струясь по его бокам. Судороги разрывали Воду, вздымая волны с новой силой и обрушивая их вниз подобно водопаду.

Они не просто бились о Корабль, а казалось, хотели разбиться насмерть, только бы не чувствовать это страдание.

Большой и белый Викинг подпрыгивал как мячик и казался себе маленьким и беспомощным. Он не на шутку встревожился за своего друга, искал и не находил способ помочь ему, перебирая в голове сотни вариантов.

– Подожди, Море, одну минуточку! – вдруг взмолился Корабль. – Я думаю и думаю и никак не могу поверить, что Люди способны намеренно причинить тебе боль и страдание. Ведь это абсурд! Разве можно сознательно мучать того, кто тебе помогает жить? Кто взирает на тебя с любовью? Кто наконец является сам источником не одной жизни в себе?.. Я не могу в это поверить... – повторил Викинг.

Море не отвечало. А небо неожиданно стало проясняться. Тучи сползали за горизонт, ветер стих, и вдруг воцарилась странная тишина. Волны еще катились, но тоже как-то бесшумно.

Шторм прекратился. Море прислушалось к себе. Боль ушла. Это случилось как-то внезапно. На душе стало легче, жаловаться уже не хотелось.

– Наверное, я еще многое должен тебе объяснить, дорогой мой Викинг! – тихо произнесло Море. – И про себя, и про людей, и про то, что мучаешь иногда больше всего тех, кого любишь и в ком нуждаешься. Но ведь где-то есть и выход из всего этого, где-то есть и спасение... Как ты думаешь, Друже?...

Викинг подставил свой белый бок под фонтанчик морских брызг, издал протяжный гудок куда-то вдаль и вдруг неожиданно стал набирать скорость. Всегда медленный и очень неторопливый Корабль мчался по волнам и внутри него звучала мелодия. Она и наполняла его

силой и уверенностью, и приносила какую-то новую радость. Эта радость незаметно переда-
лась и Морю...

Легко ли высказать свое мнение? Подопечные Кирилла

Кирилл человек очень серьезный, хотя и не такой взрослый. Он не любит всяких сюсюканий, «телячьих» нежностей, поэтому на «Кирюшу» отзывается с меньшим удовольствием, чем на полноценное «Кирилл» или в крайнем случае «Кир», что звучит тоже весомо, пусть и кратко, и вполне по-мужски.

Он такой же светловолосый как отец, а глаза карие, мамины. Похож, естественно, на обоих, но сколько у них разногласий! Интересы всех членов семьи часто не совпадают, и по любому вопросу у каждого может быть свое мнение.

Конечно, такую свободу слова и мышления развил в Кире отец – молодой и даровитый ученый-эколог. Именно так часто называет его мама – «молодой и даровитый». Хотя какая уж там молодость – почти сорок лет!

Совсем недавно за обеденным столом Кирилл высказал свое мнение по поводу плова. И отцу, и маме плов показался очень вкусным. «А мне не вкусно», – признался сын.

Пришлось кое-что не совсем лицеприятное выслушать от отца. А то как же! «Мама старалась, пересматривала разные поварские книги, вычитывала новые рецепты по интернету в поисках неожиданного и аппетитного! Потом тратила время на магазин, на приготовление этого чуда-блюда, на красивую сервировку стола. Ей так хотелось увидеть довольные лица сына и мужа, а тут, пожалуйста, – не нравится!

– Как-то это не великодушно, не по-мужски, даже если и правда – не нравится... А сын?»

Кирилл сдержанно кивнул, но слова отца запали в сердце. «Какой-то я слишком прямолинейный, – подумал он, – действительно, зачем маму обидел!»

Он вспомнил, как в детстве, лет в пять-шесть, ему нравилось делать своими руками маленькие лодочки. Он мастерил их из дерева, глины, фольги, но что-то не получалось, и они всегда тонули в море. Маленький Кирюша бежал к маме и жаловался, а она ласково говорила ему примерно такие слова: «Сынок, милый, не всегда получается все сразу. Помнишь, когда ты был малышом, ты не мог говорить, – а теперь говоришь очень хорошо. Пытался встать на ножки и тут же падал, помнишь? А теперь ходишь и даже быстро бегаешь... И так в жизни все. Думаю, что лодка, которая не тонет, у тебя обязательно получится! Всеу свое время...»

Кирилл любил своих родителей и не хотел их обижать. Но как же тогда высказывать собственное мнение, оно же может быть совершенно отличным от родительского, и что делать?

Кир любил думать на ходу, движение помогало не замыкать мысль в узком пространстве, а наоборот давать ей простор. Он часто совершал один и тот же маршрут от дома, через лесную рощицу, к берегу моря. Его так же, как и отца, манила к себе эта удивительная вилла Эльфвик с ее природными «косилками»-коровами, с утками и гусями, с тем необыкновенным обзором, который открывался на море из этого места.

Эта обстановка, как нельзя лучше, помогала Кириллу детально

обдумывать свое новое изобретение. Корабль-пылесос! Кто не понимает важности такого устройства, может, конечно, посмеяться – его право, пожалуйста! А вот представить себе, что корабль плавает по морю, замечает с помощью специальных устройств мусор и всякий беспорядок на воде, а потом, как настоящий пылесос, все собирает и очищает водное пространство от разливов той же нефти или других загрязнений, – это потрудней будет! И уже не до смеха...

В этот раз Кирилл так и не дошел до своей любимой виллы Эльфвик, а задержался на полпути, потому что на глаза ему опять попала странная парочка. Он уже не раз замечал эту парочку в этой роще за одним и тем же занятием. Сероухий и очень крупный заяц обглаживал кору дикой яблони, а в ее ветвях сидела рыжая белка и увлеченно лакомилась крохотными яблочками. Парочка была настолько поглощена вкушением пищи, что как

в прошлый раз, так и в этот, никого не замечала и ни на секунду не отвлекалась от своего занятия.

Когда Кирилл еще несколько дней назад рассказал об этой встрече отцу, у того сразу была своя реакция на это событие. «Пора строить кормушки на зиму, подкармливать голодающих...» – объявил он. Ну, правильно, как же еще может отреагировать настоящий биолог и эколог? Всегда действием и всегда полезным и милосердным!

Кир тогда обрадовался – заяц и белка ему очень понравились, и их было немного жалко, – но и в то же время задумался: разве смогут одновременно заяц и белка питаться из одной и той же кормушки? Тут надо что-то придумать, сконструировать что-нибудь новенькое: например, кормушку с двумя или несколькими входами-выходами по обе стороны, чтобы никто друг другу не мешал.

Кирилл постоял немного, разглядывая старых знакомых и вновь прикидывая кормушку «нового типа», а потом заметил подберезовик около высокой белоствольной красавицы, которая росла прямо напротив дикой яблони. Потом ему показалось, что он видит еще один гриб. Так от одного гриба к другому, – а потом пошли вообще целые грибные семейства, – Кир забыл обо всем на свете, никуда больше идти не захотел, в нем проснулся азарт грибника, он стал собирать крепеньких лесных красавцев и всю прогулку посвятил этому захватывающему занятию!

Миша и сын или подслушанный разговор

Море сияло и отражало все солнечные лучи, которые падали и застревали в его пенистых барашках. Ветра почти не было, но легкое дуновение тем не менее создавало это движение на воде, а солнце подогревало и улучшало настроение.

Море сегодня было разнеженным и умиротворенным, потому что стало невольным свидетелем замечательного разговора отца и сына, за которыми, надо сказать, оно давно и с интересом наблюдало. Правда, никогда не позволяло себе вслушиваться в их разговоры. А тут вдруг засмотрелось и залюбовалось маленьким существом с развевающимися на ветру желто-русскими волосами, бурной жестикуляцией и звонким голосом.

– Папа, – говорил Кир (а это был именно он и его отец Миша), – Морской пылесос не должен пропустить ни одно загрязнение на воде. Его поисковая система будет улавливать каждый вид такого нарушения и подавать соответствующий сигнал!

– Это хорошо, – отвечал Миша, – но ты не учишь очень важный фактор. Фактор погоды! В плохую и хорошую, то есть в бурю или в штиль, зимой и летом, Море ведет и чувствует себя по-разному, а значит и реагирует тоже неодинаково...

– И что это означает? – погрузневшим голосом поинтересовался Кирилл.

– А это означает, что бедственные сигналы, посылаемые Морем твоей «умной» машине, тоже будут разными, хотя причина может быть одной и той же, что летом-что зимой.

– Приведи мне, пожалуйста, пример, папа? А то я не совсем все понял!

Вот здесь у Моря словно выросли уши, и всё оно погрузилось в разговор двух людей: взрослого синеглазого очень серьезного – и юного, взволнованного, более быстро и звонко произносящего слова. Но поглядеть на этих двоих и не вооруженным глазом можно обнаружить их несомненное сходство друг с другом: и светлыми, отдающими золотом в солнечных лучах, волосами; и формой носа, и манерой спорить, загибая пальцы правой руки при перечислении своих веских аргументов, и многими другими вещами.

– Попробую привести тебе пример с нефтью, самым неприятным (для нас, людей) видом загрязнения. Ты уже знаешь, что сейчас за год добывается из моря и перевозится по нему более двух миллиардов тонн нефти. Из этого количества в море во всем мире попадает примерно полтора миллиона тонн.

– Представь себе, что это только двадцать шесть процентов той нефти, которая в сумме попадает за год в море. Остальная нефть, примерно три четверти общего загрязнения, поступает с судов-сухогрузов, транспортных кораблей, а больше всего – из городов, особенно с предприятий, расположенных на побережье или на реках, впадающих в море...

– Папа, ты увлекся общими рассуждениями и совсем забыл о главной теме. Речь ведь идет о моей машине!

– Сейчас, Кирюша, не торопи меня. Важно понять процессы, которые происходят, тогда можно прогнозировать и поведение твоего морского пылесоса. А понять эти процессы очень трудно, так как судьбу нефти, попавшей в море, невозможно описать во всех подробностях.

– Почему?

– Ну, потому что, во-первых, минеральные масла, попадающие в море, имеют разный состав и разные свойства. Во-вторых, мы как раз подходим к тому, с чего начали. Что влияет на реакцию моря при различных погодных условиях? Например, эту реакцию видоизменяет ветер различной силы и направлений, а также волны – более интенсивные или менее; не говоря уже о температуре воздуха и воды.

– А что лучше для моря, папа, сильный ветер или слабый?

– Конечно, сильный. Шторм способствует образованию эмульсии нефти в воде и воды в нефти. При этом сплошной ковер нефти разрывается, нефть растворяется и исчезает с поверхности моря... А уж с мелкими капельками нефти легче справиться.

– И Море перестает страдать?

– Конечно, сынок, ему становится легче... А если бы еще «срабатывала» твоя умная машина – было бы совсем хорошо! Ну, не будем унывать, а наоборот постараемся приложить все усилия, чтобы облегчить жизнь нашему другу и ближайшему соседу – Балт Балтычу, как ты думаешь?

– Мне его так жалко, папа! Я бы все сделал, что смог, только бы оно не страдало!

Море сладко зажмурилось. Как хорошо! Как много можно изменить простыми словами, обычным сочувствием. Опять жить захотелось.

Вперед, вперед, чтобы волны неслись навстречу горизонту, чтобы ветер ласкал их гребешки и пробирал до костей; чтобы вольно было дышать и радостно чувствовать!

– Где мой Викинг? Я должен ему все рассказать, обо всем поведать... Об этом чудесном мальчишке и его отце, об их благородстве и их таланте... И еще о том, что семья скоро поплывет на Викинге, и мой друг сам увидит этих замечательных Людей...

Ночной диалог у Аландских островов

Ночь незаметно спустилась на скандинавскую землю. Этот переход от светлого времени к сумеркам, а затем и ко все большему сгущению темных тонов – почти не различим поначалу, но становится весьма и весьма ощутимым, когда эти темные краски начинают набирать силу, расплзаются и быстро подчиняют себе все вокруг.

Вот маленький садик с деревьями и цветочной клумбой только что просматривался всеми своими очертаниями, и – бах – провалился в темноту, как в черную дыру. А вон прекрасное здание классических архитектурных форм, на котором была различима каждая деталь, каждый изгиб и выступ, – и такой же исход, и такое же погружение словно в небытие... Зачем Ночь?

...Большой белый Корабль подплывал к Аландским островам – месту удивительному и таинственному. Эта небольшая островная территория будто одинокая планета жила сама по себе. Не случайно находилась она почти на середине пути между двумя скандинавскими столицами – Хельсинки и Стокгольмом – и носила отпечаток их обеих, а именно: будучи финской территорией говорила тем не менее на шведском языке... А вокруг одно лишь Море... И ночь...

Вот стою у берега, смотрю на остров и не понимаю, что со мной творится. Слышишь, Море? Моя душа так и звенит, так и трепещет...

– Слышу, друже, слышу, мой дорогой Викинг, сегодня я особенно хорошо тебя слышу...

– Так на меня действует тишина... Ведь у нее есть свой мотив, и он часто не дает спать мне по ночам. Как сегодня! Опять этот странный мотив тишины звучит во мне. Что это?

– Похоже это ночь, у которой свое Время. У дневного Времени свои звуки и свой мотив. У ночного – свои звуки, включая тишину, и соответственно свой мотив.

– С тишиной утекает ночное Время. Куда оно течет?

– Невыразимое трудно выразить, мой славный Викинг, оно вроде бы здесь, на поверхности, близко, как ты, к которому можно прикоснуться... И в то же время там, в глубине, далеко – не достичь и мысленным взором...

– Ты говоришь о тайне, Море. Тайна всегда невыразима... Жизнь, Время, Тишина – что может быть еще таинственней?

– Еще? Наверное, Люди... Наши с тобой любимые существа! Я как раз собирался рассказать тебе про мальчика...

– Про мальчика? Хорошо. Много мальчиков бегают по моим палубам. Мальчики – это маленькие люди – дети. Я знаю. Мне нравится наблюдать за ними.

– И что же ты, Викинг, видишь?

– Дети очень любят играть и резвиться, словно стайки твоих рыбешек в погожую погоду. Шуму тогда бывает очень много, я даже устаю чуть-чуть. Но дети, оказывается, тоже все разные. Одни веселые, открытые и готовы делиться с другими детьми своими игрушками и сладостями. Другие драчуны и забияки наоборот отнимают чужие игрушки и сладости. А есть дети очень одинокие: они ходят за руку со своими большими людьми, называя их мамами и папами, и видно, как они страдают без веселых игр и других забав вместе с остальными детьми – своими ровесниками.

– Ты не поверишь, Море, я слышал собственными ушами, как один мальчик, увидев чайку на палубе, подбежал к ней и попросил ее громко-громко: «Чайка, давай с тобой поиграем!» – и хотел уже ее погладить по белой головке. Но чайка была не в настроении играть, она хотела есть и ждала, когда люди после ужина вынесут ей что-нибудь вкусненькое. Поэтому она только фыркнула и отлетела в сторону. Мальчик же очень огорчился.

– Ты не представляешь, как мне было жаль этого мальчика! Но ты меня знаешь, у меня глаза вечно на мокром месте... А о каком-то мальчике собирался поведать мне ты, дорогой Балтыч?

– О мальчике с карими, совсем неморскими глазами и звонким-звонким голосом. Видишь, Викинг, я уже заговорил твоим романтическим языком... С кем поведешься, короче... Этот мальчик поразил меня в самое сердце.

– Что же он мог сказать и чем поразить тебя, Море – такое Необъятное и такое Невозмутимое?

– Он сказал, что хочет меня спасти! Излечить все мои болезни, очистить все мои раны. Ты понимаешь?! Маленький Мальчик хочет спасти бескрайнее Море... Он изобретатель. Он строит умную очистительную машину. Эта машина придет мне на помощь. Как хорошо!

– Я уже люблю твоего мальчика, Море!

– Я тоже люблю его. Мне стало так весело, так хорошо после его слов! Он объяснял своему отцу – у которого синие, самые настоящие морские глаза, – как будет устроен его необыкновенный лечебный аппарат... Мальчик смотрел на меня и показывал рукой, как быстро будет двигаться его машина по моим волнам, какие чудесные действия она будет производить в моих водах! А мне оставалось вбирать каждое его слово и радоваться, радоваться, радоваться...

– Кажется, мы с тобой, Море, прикоснулись еще к одной Тайне. Как бы ее поточнее назвать? Тайна Человеческой души – так, наверно! Я ужасно рад и, кажется, я опять весь в слезах... Послушай, Балтыч, а смогу ли я увидеть твоего мальчика?

– Да-да! Ты увидишь всю семью. Скоро они все поплывут из столицы в столицу, и будут ходить по твоим ярким палубам, Друже, спать в твоей мягкой каюте, слушать твои любимые мелодии. А, Ты – мой лучший друг и собеседник, – знай, что я всегда делюсь с тобой самым дорогим!

– И во мне всегда звучит музыка твоих Волн, дорогое мое Море, меня насквозь пробирает шелест и плеск Воды, а твой бесконечный и ослепительный Простор навсегда пленил мое

сердце. Это моя музыка Жизни, дорогой друг!.. Я счастлив за тебя и с волнением и трепетом жду встречи с семьей и твоим необыкновенным мальчиком!..

Планета Suomi

Загадочная история, которая произошла летом
с одной маленькой дружной компанией
в одной маленькой северной стране...

Предисловие

Все станет ясно, если я расскажу о Варваре, моей старинной приятельнице. С ней всегда что-нибудь происходило еще в школьные годы, где наши пути пересеклись первый раз. Она училась в параллельном пятом классе и была заметной фигурой среди многочисленной школьной детворы. За ней ходили ватаги мальчишек, которыми она успешно верховодила. На футбольном поле она была игроком номер один. С ней никогда никто не скучал.

Как ни приглядывалась я к ней поначалу, ничего особенного разглядеть в ней не могла. Девчонка как девчонка, ну побойчее других, подвижная как ртуть, не лезет за словом в карман и сдачи может дать любому, кто тронет. И в то же время, особенность ее и заключалась в том, что Варвара ни на кого не была похожа. Поэтому и притягивала других, была изрядная выдумщица и всегда шла своим особенным путем. Все окрестные овраги, подземные лазы, чердаки высотных домов и крыши были ее излюбленным пространством, где существовала она со своими приятелями. Несколько раз и я увязывалась за ними, и всегда это было похоже на настоящее приключение: с преодолением препятствий, открытием нового и неизвестного, и варваринной интерпретацией всего, что бы нам не встретилось.

К сожалению, старшие классы нас разлучили, главным образом по причине переезда моей семьи на новую квартиру, в другой район, где мне пришлось учиться в другой школе. Встретились мы с Варварой вновь очень неожиданно несколько лет спустя, когда обе поступали в один и тот же Педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Там и зародилась наша настоящая дружба, подкрепленная, естественно, детскими воспоминаниями об общей школе и общем московском дворе, где мы росли.

Нельзя сказать, чтобы Варвара очень изменилась. Ее боевой дух витал и на лекциях, и в повседневной студенческой жизни. С ней по-прежнему было интересно и непредсказуемо.

Но после института мы опять надолго затерялись и уже, наверно, и не думали, что жизнь нас снова когда-нибудь сведет. Случилось это почти десять лет спустя.

О Варваре от нее самой я сумела узнать следующее. За несколько после институтских лет она успела проработать во всевозможных образовательных учреждениях, у нее появилась куча научных публикаций и к тридцати годам ее неожиданно и очень сильно потянуло к науке психологии.

А надо сказать, что если Варваре становилось что-то очень интересно, она полностью переключалась на это и посвящала всю себя и все свое время своему увлечению.

Так она оказалась почему-то в Питере на факультете практической психологии в одном престижном учебном заведении. Психология привела ее и к настоящей любви. Варвара называет это судьбой. Ее судьба оказалась с финским языком и неповторимым финским характером. Он тоже пришел на факультет психологии получать второе образование после строительного (!) института, который опять же заканчивал на российской земле. Вот такие чудачки встретились (они умеют находить друг друга), родилась семья. Варваре он был очень дорог, хотя с языком общения было не все просто. Несмотря на долгие годы учебы в России, финн все-таки еще не так хорошо владел русским. Но любви это не мешало и, несмотря на совсем маленькую разницу в возрасте (год или два в его пользу, по выражению Варвары: больше или меньше – не понятно), она видела в нем все: и мужа, и друга, и немного своего ребенка.

Но семейному счастью не суждено было длиться. Прошло всего несколько лет, и случилась беда. Финский муж Варвары погиб в автомобильной катастрофе, не успев закончить второй курс в докторантуре, где они с Варварой после института продолжали обучение затянувшим их психологическим наукам.

Варвара выдержала этот удар, но с тех пор у нее стал проявляться повышенный интерес к родине ее мужа – Финляндии. Естественно, новое увлечение вскоре привело Варвару и в саму эту страну и, как ни странно, задержало ее здесь на неопределенное время.

Так мы с ней и встретились в городе Хельсинки, где к тому времени я уже проработала не один год.

Варвара по-своему входила в новую для себя жизнь. Она много работала и по своей первой педагогической специальности, и что-то писала для журнала, и психология тоже была на службе варвариных идей.

Однажды она пришла ко мне и сказала, что у нее собрался интересный материал для рассказа. Я попросила ее поделиться со мной.

Историю, которую поведала мне Варвара, изложить непросто. Она показывала мне различные листки, объяснительные записки, сочинения своих маленьких друзей – очередное увлечение моей подруги. Читала собственные выдержки из своей записной книжки.

А потом все-таки раскрыла главную тайну, о которой сначала ни за что не хотела говорить, и предупредила:

– Твой читатель не должен быть взрослым, – и посмотрела на меня очень выразительно.

– А как это определить? – задала я риторический вопрос и еще более выразительно посмотрела на закадычную подругу. Мы одновременно расхохотались, оценив по достоинству реплики двух взрослых и в чем-то очень невзрослых людей, и разошлись по домам.

Решение выпустить книгу, снабдив ее красочными рисунками, было принято.

Глава первая.

Максим мечтает и объясняет...

(Объяснительная записка)

Я Максим, мне двенадцать лет и я русский, хотя всю свою жизнь, с самого рождения живу здесь, в Финляндии. Почему? Хороший вопрос.

Думаю, догадаться не трудно. Дело семейное. Мама вышла замуж за моего отца, который жил и живет в Хельсинки, правда, в то время они еще не были моими родителями. И самое прикольное – ни один из них не финн. Маман выучила финский язык в Петрозаводском университете, «батон» уже играл в своем музыкальном ансамбле, разъезжая с гастрольями по всей Финляндии.

Он закончил какое-то учебное заведение в Хельсинки и так здесь и осел. Потом встретил маман и все такое, в результате чего родился я, а отец наоборот исчез из нашей жизни.

Я у нее один, и она у меня одна, так уж получилось. Но я трудный ребенок, и маман со мной мучается. Скорей всего я бунтарь по природе, не могу и не привык жить по заведенным правилам: в семь-тридцать – подъем, в восемь – завтрак, потом школа...

Очень монотонно. Зато в киношках все по-другому: какие-нибудь древние рыцари или тевтонцы, например. У них оружие, кольчуга, походы и борьба. Никакого застоя.

Сколько раз мастерил я себе меч, сочинял боевую униформу, затевал уличные бои. Конечно, уроки не успевал выучить, тем более вставать в такую рань!

Получается, школу прогулял, выговор схлопотал. А если уж в нее, родимую, попадаю, то мое «примерное» в кавычках поведение никого не оставляет равнодушным: все, кому не лень, оставляют в моем дневнике свой «неизгладимый» след (это я имею в виду учителей). Хулиган я, короче, драчун, забияка порядочный. Всем от меня достается, включая бедную мою маман.

Нет, не подумайте только, что я этим хвальнось или как-то бравирую. Ни в коем случае! Я просто констатирую тот факт, что ничего не могу с собой поделаться. Наверное, родился с таким дефектом непослушания и бунтарства. Хоть убейте меня! Убегаю даже из дому по секрету от маман, чтобы поиграть на компьютере в зале для игровых автоматов (дома у меня нет доступа к компу). Так можете себе представить, маман всегда меня там находит! Она обладает каким-то сверх чутьем, во всяком случае во всех вопросах, которые касаются меня и моего местонахождения.

Начинаются всякие обиды: дуется на меня маман подолгу, не разговаривает со мной, отбирает мобильник. Конечно, следуют всякие репрессивные воспитательные меры... Устал я, хочу быстрее вырасти, пойти работать. В Финляндии букет всяких возможностей, как устроить жизнь. Я люблю эту страну, хотя кровно с ней никак не связан. Но ни в каком другом царстве-государстве я бы жить не хотел, даже не представляю себе, где бы мог еще осесть. Конечно, ездил я и в Россию, где маман родилась, в какую-то глубинку, тьмутаракань – Тверскую губернию. Ничего во мне не отозвалось, никакие там гены не проснулись.

Не приглянулась мне и Швеция да и вся Скандинавия в придачу. Не в том смысле, что мне не понравились эти страны. Наоборот. Путешествовать я мог бы без усталости по всему миру! Собирать, например, записи рок-групп или описания боевых искусств, чтобы самому потом приобщиться. Это мне нравится, несмотря на то, что маман – мой главный оппонент по всем этим вопросам и чинит мне всевозможные препятствия. Ну, что поделаться! Короче, путешествовать мог бы, а жить нет.

Хельсинки – мой город, с его ритмом, музыкой, площадками для скейтборда, велосипедными трассами. Я люблю в нем раствориться, стать его частью. Можно электронику поизучать у какой-нибудь витрины или новые прикиды для катания на доске. Манят меня и морские

причалы где-нибудь в районе Катаянокки, куда заходит немало судов из северных стран, так от них тоже глаз не оторвать: со всеми флагами, странными рисунками и символами, фигурками заморских туристов... И хотя чаще всего я один, мне никогда не бывает одиноко в моем городе: постою послушаю уличных музыкантов на вокзальной площади или около Стокманна, наведаюсь в тренажерный зал в KisaHalli, покручу педали, попрыгаю на надувном матрасе, закину пару мячей в баскетбольную корзину...

Если пойти в магазин и сдать ненужные бутылки, которые каким-то образом накапливаются дома и попадают в самых неожиданных местах, то на мелочь можно оторваться в игральном зале или купить какую-нибудь прикольную булавку для Кристинки. Она их обожает. Эта смешная полуфинская-полурусская девчонка учится со мной в одном классе, зовет меня «Матти» на финский манер, и уже наряжается как взрослая, а украшения – просто ее страсть! Еще не знаю, но может быть позову ее как-нибудь посмотреть мой видик. У меня классные фильмы, а одному смотреть скучно.

У финнов есть похожее на мое имя – «Матти», поэтому мои одноклассники, конечно, переделали Максима в своего «Матти», ну я и откликаюсь. Обожаю финский язык. Многие считают, что он трудный. Я не согласен. Готов говорить на нем без умолку, но маман общается со мной (когда не дуется) только на русском.

Сейчас вот загоняет меня в постель, чтоб школу завтра не проспять. Не знаю, получилась ли у меня объяснительная записка или нет, но наша училка по литературе потребовала от меня объяснить мое поведение и рассказать о моей жизни в письменном виде, потому что-де мой литературный письменный язык нравится ей гораздо больше моего разговорного...

Забыл попрощаться: «мой-мой» или «хей-хей!» – по-фински «пока-пока», «до скорого!»

Промежуточная глава (между первой и второй) (Записная книжка Варвары)

Однажды Варвара ехала в автобусе в самый южный городок Финляндии со странным названием Ханко, что в переводе с финского означает «вилы». Почему «вилы» сказать трудно, но сельское хозяйство в жизни этой маленькой страны играет совсем немалую роль, поэтому наверное даже сельскохозяйственные орудия труда получили право на высокий титул и запечатление в истории. Дорога из Хельсинки в Ханко была на редкость живописной и радостной. По обеим сторонам шоссе проносились зеленые рощи, золотистые поля, аккуратные и чистые деревенские домики. Соседи по автобусу улыбались, слушали музыку, которая прорывалась сквозь наушники, жевали яблоки и конфеты. Вдруг из сумочки, которая лежала на коленях одной дамы, сидевшей напротив Варвары, раздалось характерное жужжание и требовательный призыв детского голоса:

Возьми трубку! Возьми трубку! – звонко и весело кричал не то мальчик, не то девочка, причем сначала на финском, потом на русском языке, вынуждая хозяйку телефона немедленно ответить на вызов. Женщина с улыбкой выхватила из сумочки телефон и быстро заговорила по-фински. Все кругом тоже заулыбались и еще больше расслабились.

А у Варвары неожиданно промелькнула интересная идея. Говорящая записная книжка – ноу-хау. Каждая страничка будет говорить тем или иным детским голосом на разные темы. Кто что захочет, то и будет рассказывать. Один голос сообщит о себе то, что самому интересно. Другой детский голос поделится чем-то сокровенным или пожалуется на какую-нибудь несправедливость. Третий споет и т. д. и т. п. Почему бы не дать ребятишкам полную свободу на высказывания и собственные мысли? Варвара не успела додумать эту идею, потому что автобус остановился, приехав в Ханко. Город был маленький, уютный, весь в старинных домах и узких улочках.

Варвара долго гуляла по набережной, заглядываясь на каменные россыпи в морском пространстве, на самую изумрудную морскую воду, оказавшуюся очень холодной, несмотря на жаркий летний день. Купаться в такой воде, на что она так надеялась, было совершенно невозможно.

Наконец к причалу подкатил белоснежный катер, весь в солнечных соленых брызгах, из него выскочили в одинаковых тельняшках и бескозырках двое молодцов как двое близнецов, подхватили Варвару под руки и с веселым гиком запрыгнули обратно. Зафырчал мотор, катер развернулся, окатив брызгами зазевавшихся чаек, и стремглав умчался в открытое море.

Абсолютно в духе Варвары: неожиданные приключения так и липли к ней на протяжении всей жизни. Правда, в данном конкретном случае, финские моряки были одной из тем целой серии очерков для одного морского журнала, куда Варвара время от времени давала материалы.

Вернувшись из Ханко, Варвара начала собирать детские голоса и бережно вносила их по буквам в свою записную книжку. На букву «М» был Максим. Постепенно заполнились странички на буквы «Т», «К», «Н» и так далее в том же роде.

Педагогическая деятельность была в Варваре неистребима, а доверительные разговоры, которые вели между собой Варвара и ее маленькие ученики медленно, но неуклонно перерастали во взаимную потребность и настоящую дружбу...

Глава вторая.

Тимо – виртуоз

Русский дневник (для мамы!)

Я худенький и маленький, мне еще восемь лет, да и то недавно только исполнилось. Сам-то я, конечно, не считаю себя ни маленьким, ни тем более слабым. «Качаюсь» каждое утро, делаю всякие силовые упражнения, которым научил меня мой папа. Так что руки у меня сильные, даже есть небольшие бицепсы! А ноги тренирую в футбольной секции, куда тоже попадаю каждую неделю.

Родители считают, что я неутомимый, могу пробежать на футбольном поле весь вечер, а потом еще с друзьями во дворе носиться до самого сна. На самом деле времени на друзей у меня как раз и не хватает. Все дни заполнены школой и различными кружками.

Такая уж жизнь у всех детей здесь, в Финляндии. Тысячи различных кружков. Вот считайте: в понедельник утром я в школе, после обеда у меня кружок рисования, вечером бассейн. Вторник – после школы секция по дзю-до, вечером – игра на фортепиано. В среду днем – футбол, вечером – фигурное катание на стадионе. В четверг – снова музыка, уже теория, и потом театральный кружок. В пятницу наконец – художественный кружок, но уже не рисование, а лепка, и занятия на тренажерах в спортивном зале. Уф! Но расслабляться еще рано. В субботу или по субботам у меня экстернат в русской посольской школе. Родители говорят, что я не должен забывать свой родной (по маме) русский язык, поэтому я одновременно прохожу две программы: в финской школе – финскую, в русской – русскую учебную программу. О каком детстве может идти речь!..

А угадajte сколько у меня сестер? Думаете я один такой! Старшей моей сестре скоро исполнится тринадцать. Она любит командовать, старается во всем подражать маме, и иногда даже кричит на меня. Мы с ней частенько цапаемся, и хотя она, конечно, сильнее меня, я очень юркий и ловкий, всегда могу вывернуться и убежать. Дзю-до мне пока мало помогает в этих домашних баталиях.

Справедливости ради скажу, что Кристина (так зовут мою старшую сестру) тоже посещает тысячу кружков, а потом еще смотрит за нами, младшими, когда мама уходит в магазин или занимается самой младшей «лялей».

Совсем недавно у нас родилась крохотная девочка Элина, маленькая-маленькая, славненькая-славненькая. Крохотный носик, крохотный ротик, а глазки веселые, кругленькие. Она все время требует к себе внимания, и если ей что-то нужно, она начинает плакать. А уж мама бежит к ней со всех ног!

Вообще с тех пор, как родилась Лина, мы с моей младшей сестренкой Танюшкой стали никому не нужны, ну разве совсем немножко. Танюшка мне ближе всех и по возрасту, и по характеру. У нас даже один месяц рождения – февраль, только годы разные. Я старше ее на два года. На последний ее день рождения я подарил своей сестре рисунок, который сам рисовал на своем художественном кружке. За праздничным столом сидят шесть человек: папа, мама, Кристина, Элина, я и Танюшка. На столе большой красивый торт и в нем шесть свечек, а по бокам стола – две вазы и в каждой из них по три розочки.

Думаю, вы уже догадались, что моей сестренке исполнилось шесть лет. Она необычная девочка, во всяком случае мало похожа на других девчонок. То играет-играет вместе со всеми, и в это время нет ее веселей и подвижней, а то вдруг все бросит и уйдет в какой-нибудь дальний угол, загрустит. Сядет там и наблюдает за всеми, и молчит, слова тогда из нее не вытянешь. Как так можно мгновенно измениться, словно человека подменили! Даже я, ее единственный и любимый брат, не могу ни развеселить ее, ни оторвать от этих ее тягостных раздумий.

Потом неожиданно настроение у Тани меняется в очередной раз, она заводится как волчок, и тогда уже ничто не остановит мою сестру. Бегает как угорелая, задирается и может играть со мной без устали во все мальчишеские игры, которых у меня вагон и маленькая тележка. У нас с Танюшкой отдельная комната, где находятся все наши с ней игры: настольные, компьютерные и всякие другие. Еще в ней стоит двухэтажная кровать: нижняя Танюшкина, верхняя – моя. Так и живем!

Глава третья. Варвара о себе (Из ее неизменной записной книжки)

С недавних пор я стала тетей. Не в том смысле, что у меня вдруг появилась куча всяких племянников или других маленьких родственников. А совсем в другом. У меня действительно появились, но не родственники, а маленькие друзья.

Трудно в двух словах объяснить, почему жизнь складывается таким, а не иным образом. Да и не всегда надо объяснять. Но вот, волею судеб, сейчас я здесь в Финляндии, и мне уже почти сорок лет. Ни детей, ни семьи у меня нет. Бог не дал, да и сама не очень-то старалась.

Я бы об этом и не упоминала, если бы не прослеживала взаимосвязь со своим нынешним состоянием и своими новыми увлечениями. Не помню, были ли когда-нибудь раньше мне так близки и интересны дети? Без усталости наблюдаю за ними, как они общаются между собой, слушаю их щебет, вижу проявление совершенно разных характеров и получаю, конечно, гораздо больше впечатлений, чем вмещается в ту или иную научную статью...

Публикации приходится готовить и о финских детских садах, и начальных школах. А еще я пишу о детях, которые приходят со своими родителями в Русскую Православную Церковь, которую я регулярно посещаю. Там мои главные и любимые друзья – пяти-шестилетние Маши, Тани, Кости, Тимки и Сережи. Вот для них я и стала тетей Варей. Мне легко с детьми. С ними всегда можно оставаться самой собой, не притворяясь и ничего не выдумывая, кроме всяких игр, конечно. Они чувствуют, что мне с ними интересно и что я их люблю, и платят мне взаимностью.

Однажды после утренней службы в храме мы решили прогуляться по лесной тропинке, а потом может быть выйти на берег моря, покормить чаек хлебушком, который захватили с собой после совместного приходского чаепития.

Мы – это я (тетя Варя), восьмилетний Тимка со своей шестилетней сестрой Танюшкой и их двое таких же маленьких друзей: ровесник и одноклассник Тимки очень рассудительный мальчик Николай и его трехлетний братик большеглазый Костик.

Светило солнце. Было самое начало лета, и все дышало такой свежестью, что хотелось понюхать каждый цветок, потрогать молодые листики и нежную травку, поймать солнечного зайчика и кого-нибудь подразнить. Этим уже некоторое время и занимался Николка, ловя солнечные лучи на свое маленькое зеркальце и пуская зайчики в глаза Танюшке. Танюшка еще не понимала в чем дело, но все время потирала глаза, будто в них попал песок. А Николка тихо посмеивался и продолжал экспериментировать с зеркальцем.

Только одна я знала его сердечную тайну. Дело в том, что Танюшка ему очень нравилась, и он хотел с ней дружить. Но она сама выбирала себе друзей, потому что была очень самостоятельной и никого не хотела слушать в сердечных вопросах. Правда, каждый день у нее появлялись новые друзья, и ни с кем подолгу она дружить не могла.

Коля же хотел быть ее лучшим и единственным другом, а не так, чтобы поиграла и забыла. Но он совсем не знал, что для этого нужно делать, поэтому и поделился со мной своей грустью-печалью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.